

Из неоконченного романа

Тёплая июльская ночь. Маленький уездный городок, на берегу Волги, крепко спал. Тишина стояла мертвая: ни голоса, ни звука, ни малейшего движения, такая тишина, что с высокого берега широкой и как бы неподвижно заснувшей Волги слышался каждый всплеск воды от движения мелкой рыбёшки. Все здесь спало и всё безмолвствовало. Изредка только эта тишина нарушалась хриплым и полусонным возгласом сторожа с церковной колокольни: «Слу-у-шай!», — который большею частью никого не будил и замирал в воздухе без ответа, а иногда вызывал смутный и неясный, как эхо, такой же ответный окрик: «Слу-у-шай!» — с колокольни на другом конце городка.

На базарной площади, сплошь почти покрытой сухим старым навозом, сквозь который местами пробивалась и зеленела травка, стоял каменный дом; в нижнем этаже его чрез окна виднелся слабый свет, — то мерцала лампадка перед образами, зажженная ещё с вечера и теперь почти погасающая. Она едва освещала низенькую комнату, по трём стенам обставленную детскими кроватками под пологами. Здесь стояла такая же сонная тишина, как и на улицах, нарушаемая лишь всхрапыванием старушки — няни, спавшей на войлоке, положенном на полу, возле самой маленькой детской кроватки. Но вот в одной из кроваток раскрывается полог и из-за него осторожно высовывается белая головка 10-летнего мальчика. Он взглядывает на окна, прислушивается, внимательно смотрит на няньку, затем осторожно протягивает руку к дневной одежде своей, лежавшей возле, на стуле, достает с полу лежавшие около постельки башмаки и закрывает за собою полог. Через несколько минут он спустил ноги с кроватки уже совсем одетый и, прикрываясь пологом, вновь прислушивался и особенно наблюдал за нянькой. Убедившись, что она крепко спит, мальчик тихонько поднялся, достал из-под подушки заблаговременно спрятанный там картуз, неслышными шагами прокрался к окну, отпер его, открыл и с видимым замиранием сердца, вполоборота оглядываясь и прислушиваясь, стоял несколько времени, потом решительно поднялся на подоконник и прыгнул за окно, которое было от земли ниже его роста. Осторожно закрывши за собою окно, мальчик пошёл быстрыми шагами через площадь. По мере того как он шёл, тревога и возбуждение мальчика затихали, и он глубоко вдыхал начинавший свежеть утренний воздух; при повороте с площади в переулок, ему пришлось проходить мимо паперти старинной церкви, на стенах которой была картина, изображающая страшный суд со всеми его ужасами. Внизу картины с одной

стороны был нарисован сам страшный сатана с Иудой-предателем, сидящим на его коленях, в его объятиях, окруженный адским огнем, в котором мучились грешники, подвешенные на крючьях — кто за язык, то за глаз, то за ребро, то вниз головой; кругом их скакали безобразные чёрные дьяволы с орудиями пыток в когтях: с железными вилами, щипцами, скребками, связками железных прутьев, которыми они терзали тело подвешенных; а с другой стороны, в открытую огненную пасть вереницей шли грешники, среди которых были и цари, и князья, и архиереи, и всяких чинов люди. Сюда с раннего детства водила его вместе с братьями няня и, указывая на страдающих в геенском огне грешников, толковала им, что их будут на том свете так же мучить за непослушание, за непочтение к родителям и старшим, за лень, за обман и даже за те грехи, которых дети ещё не понимали и совершить не могли. Ужасом наполнялись детские души, и этот самый мальчик Боря (так звали его) как самый нервный и впечатлительный из числа детей, ещё 6—7 лет, нередко целые ночи метался в горячечном бреду, ожидая наступления страшного суда. Теперь, проходя мимо паперти, мальчик невольно вздрогнул, снял шапку, перекрестился и, стараясь не смотреть по сторонам, спешил миновать церковь. И в то же время, точно нарочно, среди окружавшей его тишины, неожиданно раздалось глухое и отдалённое: «Слу-у-шай!». Мальчик задрожал всем телом, мурашки побежали от затылка к спине, и он, закрывши глаза, почти бегом бросился вперёд по безмолвному переулку, но скоро пришёл в себя и успокоился, когда услышал ответный и ясный крик сторожа с ближайшей церковной колокольни: близость живого и бодрствующего человека успокоила его.

Боре предстояло пройти переулок, перейти по мосткам через речку, впадающую поблизости в Волгу и отделяющую заречную часть города, затем подняться на высокую гору, составлявшую противоположный берег речки.

Здесь, наверху, на него пахнул свежий утренний ветерок, а на восточной стороне неба он заметил розовую полосу, предвестницу солнечного восхода, который он и хотел видеть со знакомого ему места на высоком берегу Волги.

Для того, чтобы насладиться этой картиной одному, без свидетелей, без докучного надзора и вразумления старших, он и решился на своё таинственное путешествие ночью, через окно, назло тому строгому порядку и дисциплине, в которых держалась вся семья. Боря родился и вырос в

этом городке. Самые ранние детские впечатления его были от Волги и красивых окрестностей города, куда их водили гулять.

Он бессознательно, но страшно полюбил окружающую его природу, а особенно эту свою Волгу.

Это родственное чувство его к природе было почти такое же, как к родной семье. Его сердце умилялось, восторгалось и ласкало её так же, как родных братьев и сестер, малейшее непризнание её красот и достоинств оскорбляло его, возбуждало в нём досаду, гнев, негодование, он ревновал её и не хотел признать, что есть что-нибудь лучше и красивее того, что он видел с колыбели и что наполняло его душу таким трепетом, таким восторгом и радостью, какие давала ему окружающая природа и эта несравненная красавица Волга, широкою лентой опоясывающая его родной городок. Он знал и видел её во всех фазах её жизни: и раннюю весною, когда она снимала с себя зимние ледяные покровы и, разрывая их, с сердитым шумом и треском крушила, громоздила друг на друга и разбрасывала ледяные куски своей зимней одежды, и когда, очистившись от них, она разливалась на необъятном просторе и поднимала свои воды почти до подножия строений, поставленных на высоком правом берегу. И мальчику тогда казалось, что она и всегда должна быть такою многоводною, непобедимо сильною и могучею и что её, как сказочную царевну, на время только, усыпляла какая-то враждебная сила или, как богатыря, обессиливали временно волшебные чары, но с помощью благодетельной феи, в лице красного горячего солнца, царевна просыпалась, а богатырь разрывал свои волшебством накинутые цепи. Боря видел и любовался ею и в летнее время, когда она мирно и ласково несла на себе целые караваны вооруженных парусами судов, которые казались издали стадом больших белых птиц, спокойно плывущих на её водах, или когда слышалась с этих судов тягучая песня бурлаков, которая почему-то трогала и щемила его сердце. Восторгался он и трепетал от ужаса при виде мощи и силы во время бури, когда Волга сердилась и гневалась, вздымала и бросала белые разлетавшиеся брызгами волны, крутила и кидала как щепки большие лодки. В воображении мальчика Волга представлялась ему живым существом, которое и дышало и чувствовало, и любило, и ласкало, и радовалось, и страдало, и гневалось. Он умилялся, смотря на неё в летние тихие вечера, когда в воздухе стрелами проносились стрижи и ласточки, возвращающиеся в свои гнезда; солнце, закатываясь, постепенно погружалось в неё, как бы гася и расплавляя в её водах свои огненные лучи, а Волга мирно отходила ко сну, убаюкиваемая песней, несущейся с судов,

остановившихся на отдых и этой песней как бы ласкающих свою кормилицу, свою добрую ласковую няню.

Не удалось только видеть Боре восхода солнца на Волге, но он слышал от старших, что с одного пункта на высоком берегу Волги, где он не раз бывал на прогулках с родными днём, прекрасно виден восход солнца и что эта картина необыкновенно красива. Он давно стремился её видеть, но не удавалось: никто из семьи не поднялся бы так рано, да и не захотел бы вести его в такую рань в такую даль от дома.

Несколько недель назад Боря только что возвратился от бабушки и дяди, где он прожил больше года, а вскоре ему предстояло ехать в губернский город для поступления в гимназию, и он надумал, никому не говоря ни слова, потихоньку уйти из дома ночью, чтобы осуществить своё давнишнее желание: он чувствовал, что страшно бы тосковал в гимназии, если бы не исполнил этого желания и не полюбовался ещё раз, перед разлукою, на свою любимицу. И он шёл теперь с такими же чувствами в душе, какие испытывает юноша, идущий на первое свидание к своей возлюбленной. Вид раздумывавшегося на востоке неба заставил его ускорить шаги. Ему предстояло ещё пройти с полверсты, по почтовой, обсаженной берёзами дороге, потом, через переселок молодёжника и кустарника пробраться к берегу Волги. Он знал, что была тропинка или прогалинка, по которой можно свободно пройти к нему, но, боясь опоздать, Боря пошёл через лесок напрямик по мокрой траве, обливаемый росой с листьев берёзок и кустарника, через который пробивался, и сопровождаемый чирканьем разбуженных и испуганных его появлением птичек. Он забыл и не думал о том, что мокрая обувь и платье будут уликою в его самовольной отлучке из дома, которую он желал бы скрыть. Наконец он дошёл до желаемого места. Это был высокий и обрывистый бугор, выступавший почти мысом к воде и составлявший одним боком берег Волги, а другим — окраину долины той речки через которую только что проходил Боря и которая здесь неподалеку вливалась в Волгу.

Прямо перед глазами Бори расстилалась длинной широкой лентой спокойная Волга, как бы дымившаяся поднимавшимся с неё туманом. Вправо она точно вливалась в разгоравшийся всё более и более небосклон, а налево, под его ногами, виднелся его родной городок, как вуалью, прикрытый туманом, сквозь который неясными силуэтами рисовались церкви, колокольни и стоящие на противоположной горе высокие здания.

Сердце Бори радостно билось и замирало, и, окинувши любовным взглядом всю эту картину, он всё своё внимание сосредоточил на особенно

яркой огненной полосе неба, прилегавшей к самой Волге. Ждать ему пришлось недолго. Вдруг, точно из недр Волги, брызнули в небо огненные лучи, зажгли всю восточную сторону неба, прорезали и разделили туман, окрашивая его в розовый цвет, и яркой полосой осветили верхушки деревьев на противоположном берегу Волги, поверх которых, точно звездочка в небе, засверкал крест на колокольне дальнего заволжского села. Туман стал быстро подниматься и, разрываясь в мелкие клочки, курился, как дымок, и таял в небе. Но вот и всё оно, горячее, блестящее, яркое солнце, точно выплыло из воды на загоревшееся от него небо и словно вдруг всё проснулось, ожило и радостно затрепетало обновленной жизнью: туман исчез, противоположный берег выступил весь в ярком весёлом освещении со своими лугами, лесами и деревушками, сама Волга во всю свою ширину точно загорелась ярким румянцем или потекла огненной лавой, загорелись и кресты на колокольне, огнем засверкали и стекла домов в городке и деревнях, и весь городок точно умылся и весело выставлял напоказ свою миловидную красоту. И воздух вдруг наполнился неуловимыми разнородными звуками, среди которых слышалось и щебетанье птиц, и отклик пастушьего рожка, и неясные человечесьи голоса, и отдаленный церковный благовест: точно вся природа пела свою приветственную речь появлению животворящего светила. Сама Волга точно проснулась и заговорила тихим журчанием своих волн.

При виде всей этой картины Боря трепетал, замирал от восторга, его сердце наполнялось неопишным чувством блаженства, радости, благодарности, горло сжимали спазмы, из глаз текли слёзы, он невольно воскликнул: «Ах!...» — упал на колени и протянул руки, как бы желая обнять и прижать к сердцу весь этот лучезарный, сияющий мир Божий. Он ничего не думал, ни к чему сознательно не относился, но жил и чувствовал, что жил в это время одною жизнью со всею природой. Он обо всём забыл и долго находился точно в бессознательном состоянии, весь поглощённый восторгом созерцания.

Из этого забытья его вывел долетевший до его слуха благовест к заутрене, раздавшийся с городских церковных колоколен и далеко разносившийся по раздолью Волги в утреннем чистом воздухе. Боря вспомнил, что в это время обыкновенно встаёт старая нянька, а в праздники — отец, ходивший к ранней обедне. Он вспоминал, что ему надо торопиться домой и что теперь ему трудно будет никем не замеченным пробраться в свою спальню и лечь, как ни в чем не бывало, в постель. Он почувство-

вал, что всё платье на нём мокрое от росы, но что солнышко уже согревало и сушило его своими тёплыми, ласковыми лучами.

«А дорогой и совсем просохну!» — подумал он и прищуренными глазами, с любовной, благодарной улыбкой хотел он взглянуть прямо на него, на это милое солнце, и не мог: так ярки уже и блестящи были его лучи. Зато он много, много раз обвел глазами всю сияющую, освещённую им лежащую перед ним картину и, с глубоким вздохом расставаясь с ней, несколько раз ещё и ещё оглядывался, точно прощаясь с дорогим существом. Но он шёл назад, бодрый, весёлый, с внутренней удовлетворённостью, спокойствием и решимостью храбро встретит что бы ни предстояло впереди.

Впоследствии, когда Боря был уже взрослым юношей, в первый раз влюбился и ходил на тайное свидание к своей возлюбленной, он мысленно сравнивал свои ощущения с теми, которые получал во время этого своего первого любовного похождения, и находил, что они были вполне похожи, почти однородны, с тем только различием, что детские впечатления, даваемые природой, были как-то чище, ярче, цельнее и возвышеннее, без малейшего, хотя бы смутного, не вполне осознанного чувства сомнения и недовольства, которое являлось при свидании с любимой женщиной.

Он вспомнил почему-то о своём первом любовном чувстве к посторонней женщине. Ещё до поездки к бабушке, когда ему было лет 7, как-то раз его крёстная мать, местная помещица и большой друг его матери, привезла к ним в дом приехавшую к ней на время в гости родственницу — княжну, совсем писаную красавицу, о красоте которой все в доме ещё раньше её появления разговаривали, ахали и восторгались. Вообще дикий и конфузливый, Боря, забившись в уголок гостиной, с жадностью рассматривал входившую вслед за крёстной молодую, стройную, изящную княжну, с приветливым взглядом больших чёрных глаз и ласковой улыбкой на прелестных пунцовых губах. Он засмотрелся на неё.

Когда все уселись на диване и креслах гостиной, мать заметила Борю.

— Что же ты не здороваешься с крёстной, Боря? — почти строго сказала ему мать. — Подходи же скорее.

— А, крестник, милый, здравствуй, здравствуй, — говорила крёстная, целуя и обнимая его. — Господи, как он растёт: кажется, давно ли его видела, а уж вырос чуть не на вершок. Скоро совсем жених будешь... Ну, здравствуй, здравствуй, милый, я тебе образок привезла из Москвы, нарочно заказывала... Твои святые, ангел и день рождения... Вот уж

благословлю тебя, чтобы ты был умник, чтобы был здоров и хорошо учился... Ты, ведь я думаю, уж и теперь учишься... Ты ведь умник у нас...

— Ох, большой шалун и лентяй, непослушный, — проговорила мать.
— Побрани его, крёстная...

— Нет, нет, мама... Мы будем умники... Читать ведь уже выучился...

— Умею, — отвечал Боря.

— И пишет даже! — прибавила мать с улыбкой. — Каракулями, разумеется.

— Ну, видишь, какой умник... Нет, мы умниками будем... Вот, княжна, рекомендую, мой крестник... любимый... Посмотри, какой молодец...

— Прелестный... Подойди ко мне, душенька, — проговорила княжна, с своей обольстительной улыбкой, протягивая к Боре руки.

Вспыхнув до корня волос, смотря в землю и лишь изредка взглядывая на княжну исподлобья и вновь опуская глаза при встрече с её взглядом, подошёл к ней Боря. Но он совсем смутился, совсем сгорел и от стыда, и от какого-то нового для него, необыкновенно приятного, радостного и в то же время как бы болезненного, ноющего и щемящего чувства, когда княжна одною рукою обняла и привлекла его к себе, а другою гладила по голове, по щеке, а потом приподняла его голову за подбородок и два раза нежно поцеловала в губы.

Боря помнил, как ему было больно, что она, после оказанных ему ласк, как будто вдруг забыла о нём, увлекшись общим разговором, отняла обнимавшую его руку и даже ни разу не взглянула на него, хотя он, точно прильнул, прижавшись к ней, неподвижно стоял и не сводил с неё глаз. Но он почувствовал уже нестерпимую боль и тоску, вызвавшие даже слёзы на его глазах, когда привели в гостиную остальных младших его братьев и сестёр и княжна была со всеми с ними так же ласкова и приветлива, как с ним, а самого маленького даже посадила к себе на колени и целовала, а его, как ему показалось, даже слегка отстранила от себя. Но он не отходил и продолжал любовно смотреть на неё, а когда княжна поднялась с места и стала прощаться с матерью, он бессознательно ухватился за её платье, и с такой мольбой, со слезами на глазах, проговорил: «Не уезжайте, останьтесь...», — что все расхохотались; засмеялась и княжна, наклонилась и поцеловала его уже не в губы, а в голову. А крёстная мать, между тем, со смехом говорила: «Что, уж и влюбился в княжну... Ну, вот учись, расти, вырастешь совсем большой, будешь женихом, делай княжне предложение... Она подождёт тебя...»

Этот общий смех, эти слова совсем сконфузили и смутили Борю, он сгорел от стыда и к маленькому сердцу его прихлынула какая-то тоска,

которая долго не покидала его и появлялась каждый раз, когда он вспоминал о княжне и представлял себе её красивое лицо, хотя с тех пор он никогда не видал её.

Но это уже давно прошло и теперь, при воспоминании о княжне, он не испытывал никакого тоскливого о ней чувства. Душа его была слишком полна только что пережитыми впечатлениями.

Входя в первую, на его возвратном пути, улицу городка, он услышал звук пастушьей трубы и увидел идущее навстречу ему городское стадо. Городок уже начал просыпаться: из некоторых труб вился уже дымок, отворялись ворота, из которых, мыча, выходили коровы, ставни на окнах маленьких мещанских домиков были открыты; за воротами некоторых домов, позевывая, почесываясь и оглядываясь по сторонам, стояли мещанки и перекликались с другими, которые бежали с вёдрами через плечо за водой; в открытые окна высовывались неумытые и не приведённые в порядок, измятые от сна лица и, вдыхая утренний воздух, лениво и бесцельно поглядывали на улицу; изредка попадались уже и пешеходы. Все, мимо кого проходил Боря, пристально смотрели на него и долго провожали глазами, что немало смущало Боря и заставляло ускорять шаги: он думал о том, что теперь, вероятно, проснулись уже и у него в доме и ночное самовольное путешествие его скрыть от родителей вряд ли удастся.

На площади он увидел несколько возов с продуктами крестьянского хозяйства и вспомнил, что сегодня базарный день в городке и, следовательно, отец встанет ещё раньше обыкновенного, так как он любил сам покупать хозяйственные запасы и самолично ходил за покупками на базар; но возы, как видно, только что въехали на базар и были ещё не открыты и не развязаны, а хозяева стояли около них или сидели и лежали на них в разных ленивых позах, как бы собираясь ещё подремать до появления покупателей. Некоторые лавки в соседних рядах были уже отперты и открыты, около других стояли ещё их хозяева с ключами в руках и переговаривались с соседями. На открытых столиках торговли начали уже раскладывать свой несложный съестной товар; калачи, сайки, булочки, печёные яйца, свежие зелёные огурцы, маковую избоину, красные медовые пряники; но некоторые столики были ещё пусты и ожидали своих Владельцев.

Пробираясь мимо этих возов и столов, Боря опять видел и чувствовал, как все на него смотрят и провожают глазами, даже эти лежащие и стоящие около возов полусонные мужики. Но вот и его дом перед глазами. Ворота уже отворены, значит, кучер Алексей уже проснулся и уехал, или сейчас поедет с бочкою за водой на Волгу.

На середине площади, за несколько десятков шагов от дома, Борю окликнула мещанка-калачница, нёсшая на плече большую корзину с горячими калачами, столь любимыми Борей и всеми его братьями и сёстрами и которые своей формой напоминали им турка, сидящего с поджатыми под себя ногами в широких шароварах, как они видели их на картинках. Эти калачи с раннего детства были особенно любимым кушаньем Бори и его братьев: они подавались всегда к утреннему и вечернему чаю и по установленному строгому порядку, заведенному матерью в их доме, резались на равные доли, которые и раздавались детям не больше как по одной, причём, впрочем, дозволялся выбор: кто любил, просил поджаренный и засушенный краешек, кто мягкую середину. Пышный, тягучий, душистый, он сильно угождал детскому вкусу, не избалованному излишествами и всегда умеренно удовлетворяемому строгой во всех своих правилах матерью. Боря вспоминал об этих калачах не только живя в другом городе у бабушки, но потом даже и в гимназии в губернском городе, где бывали всякие сладкие и сдобные булки, но не делали таких вкусных калачей. Эти калачи всегда брали у калачницы Таланихи, и эта Таланиха теперь остановила его, перерезав ему дорогу к дому и встав перед ним со своим душистым товаром, который она торопливо несла на базар.

Боря видел не раз эту Таланиху, знал, что она печёт лучшие калачи и что от неё всегда покупают их к чаю, но никогда не говорил с нею. Обыватели городка все знали друг друга, а городские досужие мещанки специально занимались собиранием сведений о всех более или менее видных жителях городка и знали мельчайшие подробности жизни и нравов каждой семьи, поэтому Таланиха не могла не обратить внимания на необычное появление Бори на площади утром одного и без провожатого: она знала, что мать Бори слыла в городе большой умницей, отличной хозяйкой, строгой и заботливой матерью, держала детей в строгости и порядке и никогда не оставляла их без надзора. За каждой праздничной службой в церкви у Благовещения, в приходе которой она и сама состояла, Таланиха видела собственными глазами, как мать Бори приводила с собою всех своих многочисленных деток причесанных, припомаженных, разодетых; выстраивала их перед собою по возрасту и строго наблюдала, чтобы они стояли смиренно, по сторонам не оглядывались, а слушали бы службу Божию и вовремя, когда следует, истово крестились и кланялись.

И не раз Таланиха обращала на них внимание своей соседке в церкви, поталкивая и приговаривая: «Смотри-ка, Лукачиха-то, выстроила своих: ровно грибки, ровно белы коровки стоят... все в ранжир ... Мать! Уж сказать, что мать! Мотри-ка, самого-то махонького учит, как персты-то в

крест складать, да креститься... На лобик, на животик, на плечики... Вот уж можно чести приписать!..».

А так как Таланиха сверх того была и одного прихода с семьёй Бори, у неё брали в дом калачи, а добродушный и приветливый отец Бори даже подчас вступал с нею на базаре в разговоры, а с матерью его она при встрече кланялась, то она считала себя очень близкой и даже как бы родной к семье Бори. Очевидно, что она не могла безучастно пройти мимо Бори, не остановить и не расспросить его.

— Откуда, барчук, идёшь? — спросила она его.

Боря недружелюбно взглянул на неё и хотел пройти мимо, сквозь зубы проговорив:

— Ниоткуда...

Но Таланиха загородила ему собою дорогу.

— Как ниоткуда?.. Да куда же ходил-то экую рань?.. Подикась, не то что тятенька с маменькой, а и прислуга-то вся ещё спит у вас... А ты, ну-ка... Ниоткуда, говорит!..

И Таланиха, желая задержать Боря, чтобы получить от него желаемый ответ, даже положила ему на плечо свою свободную руку.

— Да что тебе за дело... Что ты пристала? .. — огрызнулся на неё Боря и, с сердцем оттолкнувши с плеча её руку, круто миновал её и быстро пошёл к своему дому, в воротах которого в это время показалась лошадь с бочкою и сидящим на ней кучером.

— Ишь ты какой! .. — говорила вслед ему недовольная Таланиха. Не в батюшку видно, тот важеватый, а в матушку: к той не подходи, не разговорится. Чего няньки-то смотрят: мальчонка один по ночам бегаёт по улицам... неведомо куда... ровно у нашей сестры, мещанки... Вот и господское дитя, и мать досмотрщица, и няньки-мамки, а недосмотрели! ... Поди-ка, какой шустрый... и не говорит... О, Господи, помилуй, батюшка, нас, грешных, — продолжала она на ходу, крестясь на церковь, мимо которой шла.

Боря спешил навстречу кучеру, который сам, увидя его с удивлением, приостановил лошадь. Этот кучер Алексей, добродушный пьяница и флегматик-резонёр в натуре, был общим детским любимцем. Во время гулянья по двору или по саду, пробраться в каретный сарай в то время, когда Алексей мыл экипаж, запрягал лошадь или справлял какую-нибудь сбрую, присесть около него, послушать его рассказов и поговорить о другом любимце, вороном коне Босовике, было для детей одним из самых интересных, хотя и запретных удовольствий. Многочисленная семья Алексея, кроме нянек, составляла всю дворовую челядь дома Бори: жена

его, Лизавета, была кухаркой, дочери горничными, а сыновья, пока были мальчишка-ми, служили для побегушек, а потом отдавались в ученье какому-нибудь ремеслу или возводились в лакеи.

— Не знаешь, папенька проснулся? — вполголоса спросил Боря кучера.

— Должно нет ещё — не видать...

И Алексей, а за ним и Боря взглянули на окно дома: ни одно ещё не было открыто, а они оба знали, что отец, как только вставал и выходил из спальни, тотчас открывал окно в гостиной и на некоторое время садился в халате около него, вдыхая утренний свежий воздух.

— Да вы что это, спозаранку... — начал было Алексей, но Боря его перебил:

— А нянька Авдотья встала? — спросил он так же вполголоса, как бы боясь, чтобы его не услышали в доме.

— Выходила уж... ругалась... Выскочила с кувшином к бочке... воды... а воды нет... «Отчего, чу, нет воды.» — «Вся вышла, оттого и нет... С вечера бы брала...». — «И с вечеру, чу, не было?» — «Ну, не было, так, значит, и нельзя ей быть... вся, значит, вышла.» «Отчего, чу, не съездил, не привёз?» — «А вот поеду, так и привезу...». — Шипит, ругается! .. «До господ, — говорит, — доведу...». — «Доводи... тебе не впервой, язва!...». — Ру-угается... А мне что... я своё время знаю... Вот пришло моё время и поехал... А вы что же это, я говорю, спозаранку? .. Куда? ..

— Да я на Волгу ходил... ты не говори... — вполголоса, торопливо ответил Боря.

— На Волгу?.. Да как же, ведь, ворота -то заперты были...

— Да я через окно... прямо... ты не сказывай...

— Через окно... Дело... А как же нянька -то?

— Она спала... Не видала...

— О-о... Что, язва, проспала дитю-то... — насмешливо и как бы поддразнивая проговорил Алексей, оборачивая лицо к дому...

— Ведь, скажет маменьке-то... доведёт...

— А пускай... — проговорил Боря, чувствуя в себе какую-то храбрость и решимость, и стал гладить по морде Босовика, запряженного в роспуски с бочкой.

— Хе...дело! .. — усмехнулся Алексей. — А ты что, барин, — вдруг прибавил он, — она, чай, ушла в сад, в колодец за водой, ещё не воротилась, чай, а двери-то не заперты, ты проберись потихоньку, разденься да и ляг в постельку-то ровно ни в чём не бывало... Что, язва, проспала!... Ну, а мне время...

И он мызгнул на лошадь, бочка тронулась и загрохотала.

Боре понравился совет кучера, и он юркнул в ворота. Он тихонечко, на цыпочках, пробрался в детскую; там стояла такая же тишина, как и тогда, когда он уходил. Няньки в комнате не было. Но было слышно движение и неуловимый шёпот в соседней комнате, где спали сестры Бори. Он догадался, что это другая нянька, Арина, приставленная собственно к девочкам, проснулась, вероятно, молится. Она была большая богомолка и ханжа, как называла её мать.

Боря потихоньку разделся и юркнул в постель, в ту самую минуту, когда хлопнула дверь и нянька Авдотья возвратилась с водою...